

Ольга Григорьева

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУШИ»

Наталию Ануфриеву литературоведы называют выдающейся христианской поэтессой 20-го века. Но ни одна её строчка, по понятным причинам, при жизни Наталии Даниловны в советское время опубликована не была.

Наталия Ануфриева родилась 26 ноября 1905 года в Петербурге, детские и юношеские годы провела в Крыму, в Симферополе. Стихи начала писать рано, а первые её поэтические опыты благосклонно оценил Максимилиан Волошин. В 1931 году переехала в Москву. В 1936 году была арестована вместе с Даниилом Жуковским, талантливым математиком и литератором, сыном поэтессы Аделаиды Герцык. Основные обвинения: *поэтический цикл из четырех стихотворений, посвященных А. В. Колчаку*; хранение рукописей стихов М. Волошина и антисоветские высказывания. Следствие инкриминировало ни много ни мало как покушение на жизнь товарища Сталина...

А. В. Колчак. 1919 г.

На допросах в НКВД Ануфриева не скрывала своих антисоветских настроений, тем не менее подготовку покушения на товарища Сталина следственным органам доказать не удалось. Н. Ануфриеву приговорили к восьми годам тюрьмы. В течение двух лет её этапировали по тюрьмам Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Суздаля. В августе 1939 года она оказалась под Магаданом. Позднее в своих мемуарах Наталия Ануфриева напишет, что в лагере началась её «вторая жизнь», отмеченная обретением Бога и обращением к жанру «духовной поэзии».

В 1946 году она была освобождена, приехала к матери в Феодосию. Через два года – вновь арест, она была осуждена по старому делу и как «повторница» оказалась в ссылке в Казахстане, в городе Актюбинске, а потом в Красноярском крае.

Как пишет в предисловии к ее книге поэт Евгений Данилов, «стихи периода ссылки – вершина религиозной лирики Наталии Ануфриевой. ...Она сумела блистательно доказать, что и в условиях несвободы можно быть абсолютно духовно свободным. Во многом этот поэтический цикл можно сравнить с ахматовским «Реквиемом». Также в этот период была написана огромная «Поэма о жизни».

Мы не найдём в стихотворениях Н. Ануфриевой каких-то пейзажных зарисовок, бытовых сцен, словом, отражения той реальности, которая её окружала. Нет, это действительно «история души», поисков и обретения веры.

О невыносимых страданиях и душевных муках тысяч узников ГУЛАГа Ануфриева сказала этими двумя строчками:

...Как больно знать, что нет совсем предела
Тому, что может вынести душа.

Освобождение пришло только в 1954-м, после смерти Сталина. Из нескольких городов, где она имела право жить, Наталия Даниловна выбрала такой, где

*Фото из следственного дела
Наталии Ануфриевой. Москва, 1936 г.*

есть церковь. Сняла комнатушку во Владимире, здесь был действующий Успенский собор. Работала на фабрике игрушек, жила на нищенскую зарплату.

Последние дни ее жизни были нелёгкими: после второго инсульта она осталась парализованной. Приходили к ней родственники, соседи, но в основном лежала одна в своей комнате в десять квадратных метров... В очерке о Наталии Ануфриевой под названием «Судьба и музыка – одно» Елена Арендт, её

дальняя родственница, вспоминает: «Однажды я приехала к ней накануне Родительской субботы. Как всегда радуется: «Вот сейчас ты напишешь поминальные записки и завтра подашь в Храме». Я пишу под её диктовку много имён, и вдруг – Александр, Александр, Александр, Александр. «Кто эти бесконечные Александры? – спрашиваю я. – А это Пушкин, Колчак, Керенский, Блок».

В предисловии к книге Н.Ануфриевой «История одной души» Данилов пишет: «История русской духовной поэзии 20-го века, так же как и история русской тюремно-лагерной поэзии, сегодня непредставима без имени Наталии Ануфриевой. Смело можно присовокупить её имя к именам Александра Солодовникова, Даниила Андреева, архиепископа Иоанна Шаховского, Анны Барковой, Варлаама Шаламова и многих других мучеников русской литературы. На таких людях, как Ануфриева, и держалась, и держится Россия...»

Одним из самых любимых писателей Наталии Ануфриевой был Фёдор Михайлович Достоевский. Ему посвящены многие стихотворения и юношеские статьи, в мемуарной прозе «История одной души» немало строк отведено осмыслению судьбы и творчества писателя.

В своей мемуарной прозе Наталия Даниловна пишет: «...Я любила свою Родину. Я горячо хотела верить в то, что душа у меня русская. Но что такое русская душа? Что такое Россия? Что такое я? В то время я прониклась убеждением, что ответы на мои вопросы сможет мне дать Достоевский».

Одно из самых первых своих стихотворений поэтесса посвятила любимому писателю. Юная Н. Ануфриева писала о похоронах Достоевского:

...И хмурые люди в калошах,
Тяжело топтавшие снег,
Говорили, что он – хороший
Писатель – и большой человек.
А мне тяжело одной томиться,
А мне трудно с моей судьбой,
Я ведь только одна страница,
Не написанная тобой.

В мемуарной прозе она пишет: «В один прекрасный тёплый августовский вечер вошёл в мою жизнь Фёдор Михайлович Достоевский. Я взяла в библиотеке «Преступление и наказание». С трепетом и волнением начала читать я книгу, захватившую меня с первых же страниц. Окончив книгу, я записала в своём дневнике, что, может быть, есть много писателей выше Достоевского, но ближе мне нет никого.

Эта мысль, высказанная в пятнадцать лет, оказалась чёрной: Достоевский был со мною почти всю мою жизнь... Моя жизнь была настолько связана с ним, что его невозможно отделить от моей жизни, и, говоря о себе, я буду говорить о

нём». Этот жизненный эпизод поэтесса передала и в стихотворных строчках:

...И неслышно ко мне —
В этот час начинало смеркаться —
Достоевский вошёл,
Чтоб остаться со мной навсегда.

В семнадцать лет, после окончания средней школы, Ануфриева стала работать статистиком. Продолжались духовные поиски, непрерывный духовный труд «...Не помню, в это лето или в предыдущее, прочла я в «Дневнике писателя» Достоевского статью «Влас», наполнившую мою душу восторгом. В этой статье говорилось о способности русской души к великому падению и к восстановлению великим подвигом, приводились отрывки из Некрасовского «Власа». Помню, какой окрыляющей радостью, какой свободой, широким простором, зовущей вдаль и ввысь на подвиг жизни, звучали для меня эти стихи:

Роздал Влас своё имение,
Сам остался бос и гол,
И собирать на построение
Храма Божьего пошёл...

И вновь и вновь в стихах возникает образ любимого писателя:

В небесах — полоса огневая,
От огня золотая Нева...
Как мне ясно, что я неживая,
Как мне странно, что я жива.

Я уже ничего не помню,
Даже маску с измученным ртом...
Я одна в этих улицах тёмных
Умираю под тяжким крестом...

О, как сердце бессильно и смято,
Как светла полоса огня
Здесь, где жил Достоевский когда-то
И где он не нашёл меня!

1929, Ленинград

Во многих стихотворениях используются слова Достоевского в качестве эпиграфа:

Сладострастие — буря, большие бури...
Достоевский. «Братья Карамазовы»

Да, знаю я, что сладострастие — буря.
Огнём тоски пьянит меня мечта...
А нежный зверь глядит, так сладко жмурясь,
Мне слышится мурлыканье кота...

Куда идти? К каким ещё пределам?
Гореть огнём каких безмерных мук?
Я так люблю твоё больше тело,
Мой нежный зверь. Мой самый близкий друг.

1931, Симферополь

Слова из «Братьев Карамазовых» — «Господи, дай полюбить...» Н. Ануфриева берёт эпиграфом к стихотворению, написанному в августе 1949 года в Актюбинске, в котором поэтесса просит Господа: «Дай утолить горячую, простую, / Земную жажду чувственной любви...»

Собственно, все её стихи периода заключения и ссылок можно назвать молитвами, обращенными к Богу. Во многом благодаря им она и смогла выжить в нечеловеческих условиях лагерей... Её отношение к этому испытанию поражает, оно поистине христианское. «Многие пережившие подобное мне испытание, – пишет она, – отменяют эти годы, «выброшенными из жизни». Я никак не могу с этим согласиться. Разве только безбедное и беспечальное существование может быть названо жизнью? Я никогда так не думала и не чувствовала. Я боялась только того, что может не быть настоящей жизни, ...высокой «напряженности чувств».

...В больших испытаниях есть какая-то особая, высокая напряженность, какая-то приподнятость чувств, какая-то особая торжественность. Эта атмосфера, очевидно, не для всех, не для тех, кто говорит о «выброшенных из жизни годах», но для моей души она всегда была родной. Недаром Достоевский, этот «жестокый талант», всегда казался мне праздничным...

И когда поэтесса пишет о нелегком периоде в своей жизни: они с матерью в 1946-48 годах жили в Феодосии буквально в нищете, на случайные заработки; о болезни и смерти матери, она вновь и вновь вспоминает любимого писателя. «Бывают мучительные, болезненные воспоминания. Об этом сказал Достоевский, что «это раз пронзает сердце, и потом навсегда остаётся рана». Такие пронзающие сердце воспоминания оставил у меня этот год, прожитый вместе с больной умирающей матерью, непрестанно твердившей о самоубийстве и страстно хотевшей жить...

...Она была страшно раздражительна, часто начинала меня язвить, упрекать со злобой, чуть ли не с ненавистью, и очень легко впадала в отчаяние. Моя мать в этот последний год её жизни очень напоминала мне Екатерину Ивановну из «Преступления и наказания», гениально, с необычайной силой описанную Достоевским, так гениально-правдиво, отчасти, может быть, и потому, что в ней он, как говорят, изобразил свою первую жену М.Д. Исаеву, и здесь было много личных, болезненных воспоминаний».

Во время ссылки, на маленьком железнодорожном разъезде в казахской степи, Н. Ануфриева вела дневник. «На страницах этого дневника подводила я итоги прожитой жизни, – пишет автор в мемуарах, – записывала свои мысли по поводу разных писателей и книг, много писала о всегда родном моей душе Достоевском, творчество которого после того, как вошёл в мою жизнь Христос, озарилось для меня светом нового понимания, более глубокого и истинного, чем прежде...»

В мучительных размышлениях о вере, о добре и зле поэтесса вновь и вновь обращается к темам и героям произведений любимого писателя. «Меня уже начинал остро мучить тогда вопрос, так решительно поставленный Иваном Карамазовым в главе «Бунт», о несовместимости понятия о всеблагом, всемилосердном и всемогущем Боге с торжествующим в мире злом. Я не находила разрешения этого вопроса и мучилась им. Но и в величайших сомнениях и недоумениях я прибегала всегда к одному источнику. «У нас нет ничего, кроме веры, кроме того единственного чуда, каким является Христос», – писала я тогда. И ещё: «Но всё же Христос всемогущ. Я, конечно, сказала бы, как Ставрогин, что, если истина вне Христа, я предпочту остаться с Христом, а не с истиной. Но мне незачем это говорить, потому что при всём неверии моём, при всех колебаниях я непреложно знаю, что истина только в Христе».

Именно в те годы Н. Ануфриева начала писать большое исследование о творчестве Достоевского. «...Но вот, когда жизнь казалась уже совершенно невыносимой, снова посетил меня Своей милостью Господь, и мне была оказана помощь.

Началось с того, что я решила писать о Достоевском. Почему я решила писать о нём? Я завидовала людям – между прочим, одному знакомому историку-востоковеду, – поглощённым интересным литературным трудом, потому что для них незначительно, почти незаметно всё внешнее, все внешние дела, неприятности и огорчения. Кто же мешает и мне заняться этим? Но только о ком или о чём могу я писать? Я понимала, что знания мои очень ограничены. И поэтому я решила писать о Достоевском, которого я давно и хорошо знала с юных лет, близком и родном моей душе. Теперь, думалось мне, я буду писать о нём по-иному, не так, как раньше. Теперь я видела в нём писателя, всецело проникнутого христианской идеей и любовью ко Христу. Теперь я воспринимала по-но-

вому сложную диалектику его произведений, и гибель его героев представлялась мне неизбежным следствием их отречения от учения и идеала Христа.

Я сама не знала, как и что я буду писать. У меня не было под рукой ни произведений Достоевского, ни литературы о нём. Цитировала я его по памяти. Но когда я написала вступление и начала писать о «Преступлении и наказании», этот труд увлёк меня, захватил целиком, и душа ожила. Мне было радостно писать о Достоевском, потому что я писала о правде Христовой и о любви Достоевского ко Христу. Снова жизнь моя была полна, и внешнее как бы совсем перестало существовать».

Её исследование о Ф.М. Достоевском находится до сих пор в архиве ФСБ на Лубянке. Вот как описывает Н. Ануфриева в мемуарах содержание одного из своих очерков о Достоевском: «Я писала о путях человеческой личности, о двух этапах пути. Первый этап – путь становления личности – от тёмных, не осознавших ещё себя пещерных предков до таких вершин, героев «эго», как сверхчеловек Ницше, человекобог Кириллова и Ивана Карамазова. Когда первый этап пройден весь до конца и идти уже некуда, начинается второй этап – путь преодоления личности, путь слияния её с мировым Началом, с Богом. Герои Достоевского – высокоразвитые личности, прошедшие первый этап и жаждущие второго».

Совсем не случайно книга Наталии Ануфриевой «История одной души» открывается стихотворением, посвященным великому писателю:

ДОСТОЕВСКОМУ

Истомлённый узник за глухой решёткой,
Складка острой скорби у больного рта...
Улыбнись, мой близкий, улыбнись, мой кроткий,
Тихою улыбкой светлого Христа.

Пусть ты верил слепо, верил беззаветно,
Что возможна к небу золотая нить...
Я давно решила, что надежды тщетны,
И смешно бороться. Нужно просто жить.

Я могла бы корчить гневного пророка,
Призывать на битву трусов и шутов,
Но в душе смягчённой больше нет упрёка,
А сказать о светлом не хватает слов...

Злобные насмешки бешены и чётки,
Все мы беззащитны... Всюду пустота...
Улыбнись, мой близкий, улыбнись, мой кроткий,
Тихою улыбкой светлого Христа.

1923, Симферополь

Умерла Наталия Даниловна Ануфриева на 86-м году жизни, была похоронена на Владимирском кладбище. Могила её затерялась.

Архив Н. Ануфриевой насчитывает несколько сотен стихотворений, мемуарную прозу, а также богословские и литературоведческие статьи. Знакомство с ними широкого читателя ещё впереди...

А сегодня хотелось бы предложить вниманию читателей «Простора» несколько стихотворений Наталии Ануфриевой, написанных в Казахстане.

г. Павлодар

Примечание.

Стихотворения и проза Н. Ануфриевой цитируются по книге: Ануфриева Н.Д. История одной души /Сост., подг. текстов: Е. Данилов, Е. Арентд, Д. Лосев. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2009. – 272 с.: ил. – (Образы былого. Вып. 12).

